

Александр Ширвиндт

Александр Ширвиндт

Опережая некролог



Кolibри

Москва

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8
Ш64

Дизайн и художественное оформление
Александра Трифонова

Ширвиндт А.А.
Ш64 Опережая некролог. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 232 с., ил.
ISBN 978-5-389-18133-5

Я хочу, чтобы меня запомнили тем, кем я был, и настолько, насколько
заслужил. *(Александр Ширвиндт)*

УДК 792.07(47)+791.43(47)+929Ширвиндт
ББК 85.334.3(2)6-8+85.373(2)6-8

ISBN 978-5-389-18133-5

© Ширвиндт А.А., текст, 2020
© Трифонов А.Ю., дизайн, 2020
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

На 86-м году жизни после тяжелого и продолжительного раздумья принял решение уйти с поста художественного руководителя Московского академического театра сатиры Александр Анатольевич Ширвиндт. Он родился в Москве 19 июля 1934 года. Проведя 10 лет в борьбе со средним образованием, он, несмотря на сопротивление родителей, проник в Театральное училище имени Щукина, которое окончил в 1956 году, как ни странно, с красным дипломом. После этого, вы будете смеяться, 11 лет Ширвиндт проработал в Театре имени Ленинского комсомола, где сыграл три десятка ролей, в том числе, по мнению спохватившихся критиков, несколько удачных. Были даже случаи счастливой творческой жизни с 1963 по 1967 год под руководством Анатолия Эфроса. Этого не могли пережить начальники из ЦК комсомола, потому что это счастье не совпадало с представлениями о комсомольском счастье. И тогда бывшие счастливицы недлинной вереницей пошли за Синей птицей в Театр на Малой Бронной. Вереница была действительно недлинной, а птица в лице Анатолия Эфроса была на самом деле посиневшей от переживаний. Потом возник Театр сатиры. Транзит «Театр имени Ленинского комсомола – Театр сатиры» был недолгим, и в 1970 году Ширвиндт обосновался на площади Маяковского. Он работал актером, режиссером, автором и 20 лет назад заступил на пост художественного руководителя театра. Единственное, от чего он, пожалуй, в эти 50 лет увернулся, – от руководства пожарной охраной.

Трудно переоценить тот вклад, который Ширвиндт внес в историю...

Это было вступление или, скорее, предисловие. Нет, все-таки вступление. Возникает естественный вопрос: а зачем оно вообще? Ну, наверное, без вступления нельзя. А раз так, то читатель должен знать, во что он вступает. Поэтому прежде всего необходима яркая картина значимости автора.

Но, честно говоря, вступление-предисловие – «жанр» подозрительный. В нем либо архизнаменитая личность, рекламируя автора, снисходительно поглаживает его по головке, либо какой-нибудь незыблемый авторитет популярно объясняет недалекому читателю содержание произведения.

Саму книгу просто так, например, со слов: «Как-то, помню, я ехал домой...» – мне кажется, начинать не стоит. Обязательно должен быть эпиграф. Допустим, автором придумывается фраза: «Быть, чтобы не забыли». И подписывается: «Ранний Гельвеций». Очевидно, сочинителю ближе ранний Гельвеций, поздний его раздражает. А без эпиграфа из Монтеня вообще стыдно появляться в литературе.

Очень завидую людям, у которых биография соткана из того, что помнишь. Тогда получается внятная картина: зачем и как жил. А если нет, то либо документально сдобренная фантазия, либо никому не нужная якобы правда. Спросить не у кого, поскольку оставшиеся старожиды ничего не помнят. Приходится врать самому. Соврал – ощущение, что вспомнил. Другой врун «вспомнил» противоположное – возникает диспут. Эдакий круглый стол с острыми углами. «Ваш покорный слуга» – как я люблю это выражение – отдает рыцарством и дуэлями. Или «пишущий эти строки» – тоже красиво, правда, попахивает анонимкой.

Когда мне стукнуло 85, я подумал, что это вполне серьезная цифра, чтобы себя сформулировать. Не получается. Мешают трусость и инфантильность. Трусость закрывает глаза на количество вин (не выпитых вин, что тоже можно инкриминировать, а совершенных за этот немалый срок проступков), а инфантильность бро-

Опережая некролог

сает в слезливое оправдание моральных и физических преступлений, совершенных в борьбе с действительностью.

На очередной диспансеризации у меня обнаружили синусовую брадикардию. В переводе на общедоступный – перебои. Вероятно, от сердца эти симптомы поползли по организму, и возникла мерцающая аритмия мысли.

Раньше я, бросаясь в графоманию, считал: не надо замахиваться на монументальные мемуары со скромнейшими разделами «Я о себе» и «Они обо мне, а я о них». Теперь подумал: а почему бы и нет? Пусть еще одна книжонка рухнет в залежи литературных запасников.

Да, еще. Сноски. Наступает такой период биографии, когда сноски становятся значимее содержания. Поэтому в этой книжке я передвигаю их из-за черты оседлости вниз по странице наверх, к полноправному тексту.

Вот, пожалуй, и все. Нет, не все. Чуть не забыл: мнение автора может не совпадать с мнением редакции, или мнение редакции может не совпадать с мнением автора. Это стыдливо-трусливо-цензурная уловка. Конечно, нужны варианты: мнение автора может и совпадать с мнением редакции, мнение автора не может не совпадать с мнением редакции и мнение автора не может совпадать с мнением редакции.

Я о себе



Сейчас постановили, что нужно очень внимательно относиться к людям предпенсионного возраста. Это прекрасная находка. Можно, например, при достижении предпенсионного возраста начать переучиваться на другую профессию. И государство в этом поможет. Предположим, если ты всю жизнь занимался макраме, то в 60 лет логично осваивать лесоповал, чтобы к 85-ти где-то в районе Иркутска стать успешным китайским лесопромышленником. Такая неожиданная забота о стариках – или следствие полной неуверенности в молодежи, или хитрый ход для убыстрения вымирания, так как обычно, если мы что-то начинаем беречь, то это накрывается быстрее всего.

Мой ребенок Миша возил меня как-то к одному врачу в Германию. Доктор отказался смотреть московские бумажки, только спросил меня: «На что вы жалуетесь?» Я честно признался, что жалуюсь на 19 июля 1934 года.

85 лет – дата, конечно, внушительная, но возраст – это не величина цифры, а состояние духа. У Бунина в повести «Деревня» есть щемящее определение: «это был старозаветный мужик, ошалевший от долголетия».

Не стареют душой ветераны. А тело? Может, кто-то помнит, что в наших аэропортах раньше были жуткие накопители: минут за сорок до отлета самолета пассажиров накопляли в каком-то предбаннике, в тесноте и духоте. Дома ветеранов сцены – как накопители перед выходом на небеса.

Александр Кушнер когда-то заметил: «Времена не выбирают, / В них живут и умирают». Умирать стали очень дисциплинированно, с жизнью сложнее.

Лет двадцать подряд я отдыхаю на Валдае – тупо сижу с удочкой. Саша Абдулов и Андрюша Макаревич на окраине Валдая построили дома. Когда Абдулов при всей своей занятости вырывался туда, там стоял дым столбом. Как-то звонит он мне полпервого ночи: «Дядя Шур, Андрюшка приехал, ребята собрались, давайте к нам». Я начинаю кобениться: «Саша, уже ночь, я старый. В следующий раз обязательно». И не оторвал задницу, не поехал. Сашку я больше не видел. Когда куда-то зовут, надо сразу лететь, а то есть риск больше никогда не увидиться.

Устраивали как-то вечер памяти Элика Рязанова в Концертном зале имени Чайковского. Через три дня там же – вечер памяти Булата Окуджавы. Не прошло и недели – презентация книги о Михаиле Козакове. В Доме актера – вечер воспоминаний о Сереже Юрском. И я везде выхожу на сцену – становлюсь единственным случайно дожившим и превращаюсь в атрибут ритуальных услуг.

Телеканалы, газеты, журналы бешеной скороговоркой соболезнуют родным, коллективу и Родине в связи с очередной значимой потерей. Некогда пролить искреннюю слезу, слишком много действительно важных событий в мире, чтобы остановиться на единичной утрате. Даже минута молчания сегодня – условно-протокольный пункт вынужденной задержки бытия. Погрустили коротко и побежали дальше. Сейчас вынос тела совмещен с назначением на должность этого тела. Но, если взглянуть на эту проблему без лишнего максимализма, думаю, что некоторая «недовариваемость» скорби оправдывается сегодняшним затовариванием погоста.

Несколько лет назад 13 – я посчитал – художественных руководителей московских театров находились в возрасте от 80 до 90 лет. Великая дама советского и постсоветского времяпрепровождения

на этой Земле (пишу это с полной ответственностью) Галина Борисовна Волчек сказала как-то на встрече с артистами, что необходимо в силу возраста подыскать для наших кабинетов сиделок. Тем самым даже она признала наличие заболевания.

У меня когда-то была «Победа», которая за 22 года прошла, наверное, 850 тысяч километров. Живого места на ней не оставалось. Но она продолжала верно служить. А когда она, извиняясь, отказала в езде и я понял, что пришло время ее продавать, я призвал опытного друга-гаишника, который тогда руководил конторой по скручиванию километража со спидометров старых автомобилей. Он без анестезии скрутил с моей ржавой подруги почти весь километраж, и я нахально продал ее как девственницу другому инспектору ГАИ, который выложил за нее какие-то символические деньги из сострадания и любви ко мне, даже не взглянув на спидометр, а лишь походя сказав, что подпольная контора по сматыванию километража – его дочернее предприятие. Это автомобильное воспоминание возникло в связи со старостью худрукского корпуса. Но, к сожалению, у худруков года не скрутишь.

Возможно, скоро сбудется зыбкая мечта театральных директоров, и атавизм «художественный руководитель» отпадет от тела театра. Будет идеально совмещенная в одном лице фигура «худрук-директор» – чтобы не ревновать друг друга к полномочиям, а редко ссориться с самим собой. И на пепелище русско-советского репертуарного театра возникнут огромные монстры-кластеры – дискотека-фитнес-боулинг-кабак-бардак, а для обозначения театральных традиций посреди всего этого – подвешенная за жопу Васса Железнова. Но тогда новым хозяевам театров кроме рекламы «Виагры» придется прочесть, как минимум, «Грозу» или, что логичнее в данной ситуации, «Вишневый сад».

Что делать? Мудрый Володя Андреев решил и ушел от художественного руководства Театром имени Ермоловой, порекомендовав на эту должность Олега Меньшикова. Но Меньшиков – его

ученик и театральный актер. Таких – по пальцам пересчитать. Володю сразу же сделали президентом театра. Потом появился еще один президент – президент в изгнании – Татьяна Доронина. Это антиконституционно! Президент – должность выборная, его нельзя назначать. Если я в списке, так сказать, очередник, то я категорически отказываюсь баллотироваться на этот пост. Я могу предложить себя, например, на пост председателя совета сада «Аквариум» или премьер-министра подземного перехода под Триумфальной площадью. Возможны варианты.

В театральном мире нет скамейки запасных. Я радуюсь, когда появляются яркие ребята типа Жени Писарева или Володи Машкова. Но это скорее исключение из правил. В том же МХАТе имени Горького худруком назначили человека с апробировано-скандальной биографией. Подмена лидера кадровой необходимостью... А в эпоху карьерно-кадрового беспредела общественное мнение бессмысленно.

Потрясающая по эпатажу, смелости и таланту пара проводит первую брачную ночь внутри катафалка и на нем же въезжает руководить многострадальным Театром на Малой Бронной. Символично и перспективно. Все время ловлю себя на том, что произвожу брюзжание. А потом успокаиваюсь – это старческое.

В Спарте со слезами и воплями сбрасывали пятидесятилетних стариков со скалы, чтобы не болтались под ногами грядущих граждан. В советское время сбрасывание со скалы гуманно заменяли торжественно-коллективными проводами на пенсию. Уходящим говорили сладкие слова, дарили помесь букета с венком, хрустальную вазочку или жостовский поднос и худенький конвертик с неконвертируемой валютой. Так же торжественно вручали пожизненный пропуск на родное производство, который охранник отнимал у виновника торжества при выходе с собрания.

Сегодня законодательно пуганули работодателей штрафами до 200 000 рублей за попытку травли предпенсионного гражданина.

Я о себе

Правда, не расшифровали, кому пойдут эти деньги – жертве гонений или, как обычно, государству.

Как метко заметил Грибоедов (он вообще многое заметил метко), «минуй нас пуце всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

4 декабря 2012 года я получил предупреждение об увольнении.*

* Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы

Художественному руководителю Государственного
бюджетного учреждения культуры города Москвы
«Московский академический театр сатиры» А.А. Ширвиндту

Предупреждение

об увольнении с должности художественного руководителя Государственного бюджетного учреждения культуры города Москвы «Московский академический театр сатиры» в связи с истечением срока трудового договора.

Департамент культуры города Москвы предупреждает Вас о предстоящем увольнении 15 декабря 2012 г. по основанию пункта 2 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (истечение срока трудового договора).

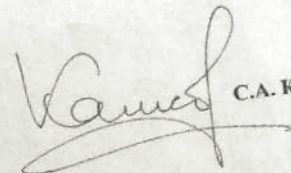
Министр Правительства Москвы,
руководитель департамента С.А. Капков

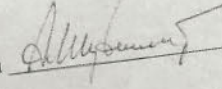
Архив Театра сатиры

Ни спасибо, ни до свидания. Уволить «в связи с истечением срока...». Мне говорят: такая форма уведомления. Не знаю, какую форму носил наш молодой начальник москультуры, я видел его в штатском.

Департамент культуры города Москвы предупреждает Вас о предстоящем увольнении 15 декабря 2012г. по основанию пункта 2 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации (истечение срока трудового договора).

Министр Правительства Москвы,
руководитель Департамента

 С.А. Капков

Получено на руки  Ширвиндт А.А.

Дата 4/12/12



ПРАВИТЕЛЬСТВО
ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ

Улица Невский пр., д. 8/10, Москва, 107001
Телефон: (495) 625-91-01, Факс: (495) 624-01-72
ОКПО 17080188, ОГРН 102759803180, ИНН/КПП 770213282

04.12.2012 № 7-04/к
от

Брызжа слюной и хамством, различные ораторы с высоких трибун призывают друг друга к корректности (вежливость, учтивость – см. словарь). «...По основанию пункта 2 части первой статьи 77...» Попахивает приговором. «Истечение срока» – да, сроки проживания худруков московских театров критические.

Патриотизм – дело суммарное. Многовековая русская театральная культура – значительная часть его. Робкие ростки патриотизма пробиваются иногда в нашу действительность, когда, например, некоторые начальники предлагают пересесть с иномарок на отечественные «бронетранспортеры». Но это крохи. Мы строим гражданское общество. Этот долгострой будет длиться вечно, пока в фундамент сооружения будет заливаться жидкий поток болтовни.

Прошло семь лет. Во время «истечения срока» этого договора сменились начальники. Видимо, очередной раз изменилась концепция, и я, несмотря на предупреждение об увольнении, продолжал занимать свой пост. И правильно. Я еще очень свежий. Я на 10 лет моложе Театра сатиры, которому исполнилось 95.

Когда Валентин Николаевич Плучек сделался физически слаб (я это сейчас понимаю как никто), то остро встал вопрос о кандидатуре худрука. Мои коллеги, так называемый худсовет – они же друзья, в сговоре с тогдашними московскими вице-мэром Людмилой Швецовою и председателем Комитета по культуре Игорем Бугаевым уговорили меня ненадолго, пока не подберут что-нибудь настоящее, занять эту должность. Потом стопроцентный худрук Римас Туминас неоднократно при встречах напоминал мне мою фразу, что я согласился ненадолго, «а то, не дай бог, пришлют что-нибудь из Прибалтики». Действительно в театральной жизни Москвы – огромный урожай прибалтийской режиссуры. Туминас был назначен в Театр имени Вахтангова, который под его началом вновь приобрел событийные премьеры.

Это «ненадолго» длится два десятка лет. В конце каждого сезона я порывался уйти на вольные хлеба. Но меня останавливали

Я о себе

пресловутая щепетильность, привязанность к долголетнему месту службы и уговоры коллег-друзей. Иногда зашкаливало, и думал: «Ну всё! Завтра же». В один из таких моментов зашкаливания я зашел после спектакля «Как пришить старушку» в гримерную Оли Аросевой, где она по традиции поила состав исполнителей своей клюковкой со своей же капустой. Войдя не в лучшем настроении и выпив клюковки, я сказал: «Ребята, всё! Олечка, дорогая, извини, я кончаю с худрукством». Аросева согласилась: «Договорились. Но после моей смерти». На что я искрометно ответил: «Хорошо, только ты с этим не тяни». Оли не стало, а я продолжал тянуть.

Врешь самому себе, что пора завязать со всем и всеми и – в родной очаг: огород, внуки, слезы умиления, благодать. Два-три дня – сроки этой вынужденной идиллии. Потом опять тянет на «место преступления».

Все в жизни – случай. В лучшем случае – случай, помноженный на упертость. В моем случае моя упертость началась в 1952 году, когда я поступил в Театральное училище имени Щукина.

Среди сокурсников еще были фронтовики, которых принимали почти без экзаменов. В их числе – Мишка Шайфутдинов. Он как пришел в гимнастерке, так в ней и выпускался. Он был прекрасный артист, но общеобразовательные предметы давались ему нелегко. Легендарному Борису Симолину он сдавал историю изобразительного искусства. Тот спросил его: «Что вам досталось?» Он ответил: «Джорджопе». «Кто?» – осторожно переспросил Симолин. «Джорджопе», – уверенно повторил Мишка. Он видит, что Симолин ему не верит, и тогда достает из кармана гимнастерки шпиргалку, в которой буква «н» смахивает на «п». Борис Николаевич соглашается: «Да, действительно». И ставит зачет. С этой «Джорджопой» Мишка окончил театральное училище, что не помешало ему в дальнейшем играть Ленина.

Руководителем нашего курса была Вера Константиновна Львова, которая все время находилась в состоянии максимальной эмоции. После окончания училища, когда мы стали уже коллегами и друзьями, я спросил ее, как она выдерживает такой накал страсти. На что она ответила: «Шурочка, ты молодой педагог. Запомни на будущее: никогда не опускай эмоции ниже подбородка». Она просто не затрачивалась. Это была чистая техника. Она не затрачивалась, но занималась нами круглосуточно.

Таким же уникальным педагогом был и Юрий Васильевич Катин-Ярцев. Как-то я пришел к Юре домой. На полу его маленькой квартирки лежали листы ватмана, на которых, как генеало-

гическое древо, был нарисован его курс и от каждой физиономии шли стрелки – графики передвижения студентов от этюда к этюду, от образа к образу, от роли к роли. И он пытался понять, что из этой шпаны получится сделать.

Учитывая размеры окладов в наших вузах, можно заниматься педагогикой, только если это страсть. Во мне она – 64 года. В институте иногда вывешивают на стене какие-то вехи. Недавно вспоминали, что больше полувека назад я поставил дипломный спектакль – водевиль Лабиша «Фризетт» с Аллой Демидовой и Алексеем Кузнецовым. Всегда горжусь своим преподавательским новаторством: этот французский водевиль они играли на русском языке, а когда становились естественными и заводились, то переходили на родной французский.

Во все времена театральные институты стояли с протянутой рукой. История со спонсоризацией искусства дошла до абсурда. Когда это только начиналось, была какая-то милая честность: я тебе деньги, а ты мне при помощи своего лица освобождение от акцизов на портвейн. Так возникло много содружеств искусства и труда. Фамилии называть не хочется, но это было почти откровенно. Потом настал кризис, ввели санкции. У всех олигархов, спонсоров и псевдомеценатов появилась отговорка. Когда к ним приходят и просят на фильм, спектакль или каток, они говорят: «Господи, ну конечно, но не сейчас. Сейчас просто какой-то ужас. У меня было семь миллиардов, а после всех этих событий еле-еле набирается четыре с половиной». И просящий, живущий на зарплату, должен делать скорбное лицо и сочувственно кивать.

Всякие сердечные телодвижения без карьерно-денежной перспективы воспринимаются как слабоумие. Но некоторое возрождение традиций российского меценатства все-таки случается. У меня долгая, 25-летняя, история взаимоотношений с моим теперь уже другом Игорем Лысенко, руководителем большого концерта «Роза мира». Эти ребята появились из глубокой Сибири, им было под 30. Игорь когда-то случайно забрел в Театральное учи-

лице имени Щукина, где мы и познакомились. Я как раз набирал коммерческий курс. Система была наивно-простой: ребенок поступает на бюджетное отделение и доходит, предположим, до 3-го тура, но до конкурса не дотягивает. После чего родителям предлагают поступить, но за деньги. Так вот, Игорь Борисович решил опекать мой курс. Оформление дипломных спектаклей – костюмы, приглашенные музыканты и художники – хоть и на минимальном уровне училища, все равно это деньги. И все равно их никогда нет. Счета отдавали Игорю. Типа: «Колготки женские – 2 штуки, водолазка мужская – 5 штук, сервиз глиняный на шесть персон – 1 штука». А сегодня Лысенко регулярно и традиционно вручает личную премию ведущим артистам Театра сатиры и при этом ни разу не попросил в ответ ни рекламы, ни своих портретов на обложках буклетов и на афишах. 25-летие этих взаимоотношений мы обязательно отметим. Мечтаю сделать это за свой счет.

В детстве я был влюблен в актрису Лидию Смирнову. Вместо школы ходил утром к Театру-студии киноактера и ждал, когда она пройдет мимо. На цветы денег не было, я ждал ее с открытками. Тогда карточки с изображением известных актеров продавали пучками, как укроп. Года через два моих мучений я рискнул и подошел к ней. И она подписала мне открыточку. Много позже, когда я сам стал вроде артистом, она была уже старенькая, мы жили в одном доме на Котельнической набережной, даже наши машины стояли рядом в гараже. И я уже не подписывал открыточки у Лидии Николаевны. Когда в Доме кино устраивали какие-то посиделки, в фойе стояли столики, и актриса Марина Ладынина, которая тоже жила в нашем доме, через весь зал кричала: «Лида, не упусти Шуру!» То есть чтобы я отвез их домой.

Что-то перестали делать индивидуальностей, их больше не производят. А те, что были, уходят. Ушла Галя Волчек. Кем была Галочка? Триптих ее существа: талант, мудрость и смелость. Причем все это не теория, а поступки. Я помню ее в спектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?». По филигранности актерского мастерства, по мощи, разнообразию приспособлений я могу сравнить эту работу только с игрой Фаины Раневской в спектакле «Дальше – тишина». Но она порушила свою актерскую биографию ради строительства «Современника». Она вообще была антитусовщица, хотя отнюдь не была затворницей. Модная, веселая, компанейская. Она знала про эту страну все. Тонко сопротивляясь и где-то мудро приспособливаясь, всегда добивалась своего. Однажды даже посидела в Думе, но сразу поняла, что ее думы о другом, и с этой Думой завязала. «Невосполнимая утрата», «всегда будем помнить»... Слова, слова, слова... А утрата



Любимая Галочка

действительно невосполнимая. Кончается эпоха. Уходит поколение, отборочно классифицируемое как легенды, и винить здесь некого, кроме Боженьки.

В связи со старостью и спонтанной бессонницей иногда в районе двух часов ночи включаю телевизор. И там, как оказалось, с двух часов до без четверти пять идут нормальные передачи, в основном ретро. Я наткнулся на повторение цикла передач, которые мы с Львом Лосевым делали в гостиной Центрального дома актера. Назывались они «Театральные встречи. В гостях у...» и были очень мощными по составу. Когда сейчас я посмотрел одну из них – «Ленинградцы в гостях у москвичей», то обнаружил, что, кроме меня, Олега Басилашвили и Алисы Фрейндлих, нет ни одного ныне живущего человека. Это довольно страшная экспозиция. Особенно в три часа ночи. Ощущение полусклепа, полубессмертия. Я смотрел и думал о том, что все разговоры о театральной реформе – лабуда. Ведь дело не в том, что ставить или какие возникают молодежные тенденции режиссуры. Просто была совсем другая система пребывания в профессии. Почему я об этом вспоминаю в связи со своим ночным телепросмотром? Сидят Юрий Толубеев и Василий Меркурьев на стульях и играют в своих скромненьких костюмчиках отрывок из гоголевской «Повести о том, как поссо-

Я о себе

рился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Иван Иванович (Меркурьев) вынимает условный кисет и гениально-реалистично в течение трех-четырех минут пытается сначала внедрить табак в ноздрю, а потом чихнуть. И ему это не удается. Во время этой замечательной процедуры на него любовно смотрит Иван Никифорович (Толубеев) и ему сострадает. Актерское сливочное масло! Какие были глыбы и куда все прикатилось – к мышцам, полуголым бабам и мужикам и к режиссуре, которая берет любое произведение классики только для того, чтобы от автора не осталось и следа. И чем дальше и нахальнее от него, тем победоноснее результат. Вот какие грустные ночные мысли меня посетили.

Кстати, о Доме актера. Так называемая клубная жизнь Москвы середины прошлого века, как и сама Москва, может быть сегодня только в воспоминаниях. Дом актера, Дом архитектора, Дом кино, Дом журналиста, Дом литераторов, Центральный дом работников искусств были форпостами досуга интеллигенции. Вся московская «богема» каждый вечер после основной работы мчалась в свои ведомственные дома, мечтая получить уютный прием, веселые

Лиля Брик, Андрей Миронов, я, Валентин Плучек, Spartak Мишулин, муж Лили Брик Василий Катанян и моя супруга Наталия Николаевна в 1977 году в Центральном доме работников искусств



СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Я о себе	9
Они обо мне, а я о них	97
Евгений Евтушенко	103
Эльдар Рязанов	106
Михаил Козаков	111
Давид Самойлов	115
Аркадий Арканов	117
Григорий Горин	120
Михаил Шемякин	124
Булат Окуджава	126
Татьяна Правдина-Гердт	128
Геннадий Хазанов	129
Илья Олейников и Юрий Стоянов	131
Владимир Зельдин	133
Мария Миронова и Александр Менакер	135
Кирилл Ласкари	138
Андрей Миронов	139
Юрий Энтин	144
Михаил Державин	148
Валентин Гафт	154
Виктор Шендерович	156
Фазиль Искандер	159
Александр Гельман	160
Михаил Жванецкий	161

Роман Карцев	165
Александр Иванов	165
Виктория Токарева	168
Анастасия Цветаева	169
Белла Ахмадулина	171
Екатерина Рождественская	173
Юрий Норштейн	176
Сергей Юрский	178
Юз Алешковский	183
Игорь Губерман	185
Михаил Мишин	187
Семен Альтов	189
Эдвард Радзинский	191
Олег Табаков	193
Анатолий Смелянский	195
Марк Захаров	196
Анатолий Приставкин	200
Владимир Войнович	201
Марк Розовский	203
Елена Чайковская	204
Аркадий Инин	206
Георгий Менглет	207
Юрий Рост	208
Вадим Жук	210
Наина Ельцина	211
Юлий Ким	213
Андрей Максимов	214
Михаил Ардов	216
Валерий Плотников	217
Аркадий Ваксберг	219
Новелла Матвеева	219
Юнна Мориц	220
Владимир Любаров	221
Игорь Кваша	222

Заключение	224
------------------	-----

Литературно-художественное издание

Александр Ширвиндт

Опережая некролог

Фото на 1-й странице обложки Е. Мартынюк

В книге использованы фотографии и материалы из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина, архива Московского академического театра сатиры и личного архива автора.

Редактор Ю. Ларина

Технический редактор Л. Синицына

Корректор Н. Соколова

Компьютерная верстка А. Трифонов

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Издательство Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)



Подписано в печать 28.04.2020.
Формат издания 70 × 108 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,3.
Тираж 10 000 экз. В-PRS-26712-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru